

3. Шамурина

**Культурные сокровища
России. Выпуск 2**

Киев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-11

3-11 **З. Шамурина**
Культурные сокровища России. Выпуск 2: Киев / З. Шамурина – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 84 с.

ISBN 978-5-458-15865-7

Из серии Культурные сокровища России. Выпуск второй.

ISBN 978-5-458-15865-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Разказали бы, какъ мелькали по Днѣпру красные паруса острогрудыхъ ладей, несли въ Кіевъ со всѣхъ концовъ Россіи богатые товары, привозили заморскихъ гостей, наполнявшихъ городъ шумомъ и жизнью, удивлявшихъ кіевлянъ невиданными одеждами, неслыханнымъ говоромъ. Разказали бы, какъ боролись за Кіевъ князья, какъ лилась братская кровь, какъ побѣдителя встрѣчали въ Святой Софіи, вѣнчали его на великокняжескій столь; какъ во дворѣ Софійскомъ собирались люди кіевскіе—«честная громада»—на вѣче, шумѣли и волновались, возставая на неугодныхъ князей, призывая къ себѣ любимыхъ.

Видѣли стѣны софійскія, какъ врывались въ городъ враги, степные «поганые»—половцы и печенѣги, жгли и грабили, уводили жителей въ плѣнъ, предавали поруганію Божьи церкви, но все оправлялось и опять привольно и весело жилось въ стольномъ городѣ. Видѣли какъ наказалъ Богъ землю Русскую за грѣхи ея тяжелые—ворвались въ Кіевъ полчища татаръ, разлились кровавой рѣкой, раззоряли и жгли. Въ страхѣ разбѣгались жители, спасаясь кто куда могъ, больше на сѣверъ, далеко отъ зеленого Приднѣпровья, въ землю Суздальскую, въ непроходимые лѣса, куда не проникали лихіе враги. Но съ собой уносили люди кіевскіе память о любимомъ прекрасномъ городѣ, о богатыряхъ его, о золотоглавыхъ дивныхъ церквахъ...

Въ непривѣтномъ краю, затерявшемся въ вѣковыхъ лѣсахъ, у холоднаго простора сѣверныхъ рѣкъ и озеръ вспоминали старики дальній Кіевъ и складывали въ честь его пѣсни, разказывали потомкамъ о быломъ величій Руси. Порывалась связь съ Кіевомъ, жизнь на сѣверѣ шла своимъ чередомъ, втягивала и примиряла и только въ пѣсняхъ жила память о славномъ городѣ, гдѣ жилось такъ привольно, о могучемъ Днѣпрѣ, о князьяхъ ласковыхъ, такъ непохожихъ на суровыхъ московскихъ князей-собирателей. И по пѣснямъ жизнь въ Кіевѣ представлялась чѣмъ-то радостнымъ и свѣтлымъ, словно золотой вѣкъ Россіи прошелъ съ ней, и въ продолженіи многихъ вѣковъ была неизмѣнно крѣпка и искренна народная любовь къ старшему русскому городу...

Многіе крупные города Россіи послѣ славнаго прошлаго постепенно утрачивали свое значеніе, низводились до степени провинціального захолустья, но не одинъ изъ нихъ не заплатилъ за вѣка славы такимъ долгимъ униженіемъ и такими жестокими опустошеніями. Ихъ пережили кіевскіе храмы: въ XIV вѣкѣ опустѣлъ княжій городъ, обезлюдѣлъ и въ святія стѣны, куда, пре-

клонивъ голову, съ трепетомъ шли князья, безпрепятственно входилъ скотъ, бродили вокругъ дикіе звѣри и злые люди, бродяги и разбойники грабили Святую Софію, которую долгое время враги-татары щадили, какъ говоритъ лѣтопись, за дивную красоту ея... Проносились вѣка горя и ужаса... Какъ призраки ушедшей жизни, стояли старыя церкви безъ крышъ и украшеній, полуразваленныя и жалкія, никому не нужныя.

Гдѣ-то на окраинахъ города, въ прежнихъ пригородахъ селились люди, строили новыя жилища, новые храмы, но никто не вспоминалъ о старомъ пепелищѣ... Потомъ долгое время спустя вспомнили, почистили, подправили, но не вернули прежняго великолѣпія храмамъ, прежняго могущества городу.

И однажды Софійская площадь ожила, зашевелилась; радостно трезвонили колокола, люди сбѣгались толпами: это Кіевъ встрѣчалъ освободителя Малороссіи гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

Но радость была недолгая—не сталъ Кіевъ столицей свободной Украйны, не быть ему больше первымъ городомъ Россіи. Не утѣшить святую Софію помнящую дни славы и то, что деревенская Русь до сихъ поръ помнитъ и знаетъ старый Кіевъ, любитъ непритворно и чтить, какъ не чтила и не любила никогда ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ. Кіевъ—центръ народнаго паломничества, земля обѣтованная, «святыя мѣста», первая послѣ Іерусалима, увидѣтъ которыя завѣтная мечта сермяжнаго чело-вѣка. И въ другихъ старинныхъ городахъ, гдѣ есть чудотворныя иконы и мощи, бываютъ богомольцы, но небольшими группами, расплывающимися въ уличной толпѣ. Въ Кіевѣ не то: весной, пока не начались полевыя работы, и въ концѣ лѣта по направленію отъ Лавры и до Андреевской церкви тянутся тысячныя вереницы загорѣлыхъ, усталыхъ людей съ мѣшками за плечами. Въ большинствѣ малороссы изъ ближнихъ губерній, они оглашаютъ весенній воздухъ своимъ мягкимъ пѣвучимъ говоромъ, наполняютъ улицы жизнью и суетой. Еще болѣе запыленные, растерянные въ чуждой обстановкѣ, тянутся за «хохлами» великороссы центральныхъ губерній...

Хорошо ходить за ними по церквамъ: шумная и суетливая на улицахъ, толпа въ церкви совершенно преобразается. Молчаливые и чинные, въ глубокомъ сознаніи святости дѣлаемаго, они

по очереди прикладываются ко всѣмъ святынямъ, ставятъ свѣчи, благоговѣйно молятся и идутъ дальше отъ церкви къ церкви.

Чѣмъ-то совсѣмъ несовременнымъ вѣтъ отъ этихъ людей, пришедшихъ сюда «поклониться святынямъ» за сотни верстъ. Невольно заражаешься ихъ торжественной степенностью, ихъ наивной просвѣтленностью. Слѣдуя за ними, перестаешь быть только туристомъ, только любопытнымъ наблюдателемъ. Становится больно чувствовать, что позитивная мысль уже не дастъ такой безмятежной радости и покоя душѣ, изъѣденной сомнѣніями и вѣчной борьбой противорѣчивыхъ мыслей и желаній. Больно чувствовать, даже признавая себя правымъ, свою оторванность отъ народныхъ вѣрованій, отъ народнаго культа... И хочется, вставши въ полутемный придѣлъ стариннаго храма, молиться все тѣми же словами: «вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!»

Кіевъ великокняжеской эпохи такъ выдавался богатствомъ и величіемъ среди прочихъ русскихъ городовъ, что, казалось современникамъ, не могъ онъ возникнуть обычнымъ путемъ, такъ, какъ возникали до него и послѣ него сотни другихъ городовъ. И кіевскій лѣтописецъ, страстно любя свой родной городъ, съ наивной увѣренностью рассказываетъ легенду о томъ, какъ апостоль Андрей Первозванный пророчилъ горами, гдѣ теперь широко раскинулся Кіевъ, великое и славное будущее.

Много вѣковъ прошло со времени пророчества, а зеленяя приднѣпровскія высоты все еще оставались незаселенными. Потому пришли три брата, изъ племени полянъ, со своей сестрой, построили городокъ и назвали его въ честь старшаго брата Кія—Кіевомъ. Такъ говоритъ легенда...

Ничего не извѣстно о томъ, какъ жили основатели Кіева, какъ крѣпкъ и росъ ихъ городъ, какъ боролись они съ окружающими ихъ степными кочевниками. Память о нихъ осталась только въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Кіева. Гора Щекавица, рѣчка Лыбедь, Хоревая улица и т. д.

Кіевъ по самому мѣстоположенію своему былъ сборнымъ пунктомъ русской торговли—къ нему по Днѣпру и Деснѣ стягивались торговые люди отовсюду: съ Волхова, Западной Двины, верхняго Днѣпра и его притоковъ, отправлялись въ Византію, везли туда мѣха и воскъ, возвращались съ драгоценными тканями и золотомъ. Очень рано иностранные лѣтописцы упоминаютъ о Кіевѣ, какъ о крупномъ торговомъ центрѣ, ведущемъ торговлю не только съ Византіей, но и съ арабами, называя его самыми

разнообразными именами: Константинъ Багрянородный—Кііво, Кіюва; Эгингардъ—Куява; Титгаръ Мерзобъ—Китава; Адамъ Бремъ и Гельмольдъ—Хуія и Хуниградъ.

Богатый городъ, возникшій въ степи, кишашей кочевниками, не могъ не привлекать ихъ вниманія. Печенѣги и Черные Болгары, бродившіе по приморскимъ степямъ между Дономъ и Днѣпромъ, дѣлали постоянные набѣги, грабили городъ, подкарауливали спускающихся по Днѣпру купцовъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ пришли къ Кіеву Хозары, завладѣли имъ и заставили жителей платить дань. Такъ продолжается до IX-го вѣка, когда въ Кіевѣ водворяются варяжскіе витязи, по преданію предводительствуемые дружинниками князя Рюрика—Асколдомъ и Диромъ. Можетъ быть они слышали о богатомъ южномъ городѣ и заранѣе рѣшили взять въ свои руки «ключъ отъ главныхъ воротъ русской торгвли»¹⁾, можетъ быть просто ѣхали по Днѣпру, гонимые жаждой приключеній и завоеваній, и случайно попали въ Кіевъ,—лѣтопись говоритъ только, что очень быстро они покорили городъ и окрестныхъ жителей, заставили платить себѣ дань и за то обѣщали имъ защиту отъ кочевниковъ. Вслѣдъ за Кіевомъ подчинилась варягамъ и вся полянская земля.

Новую струю въ жизнь города внесли варяжскіе витязи—до сихъ поръ мирные кіевляне умѣли только покоряться, только платить дань; теперь подъ предводительствомъ варяговъ кіевскія дружины не только защищаютъ своихъ купцовъ отъ набѣговъ враговъ. Смѣлыя и предпріимчивыя, онѣ неоднократно спускаются по Днѣпру и дѣлаютъ дерзкія нападенія на одинъ изъ «пуповъ земли»—Царьградъ. До варяговъ отношенія съ Византіей были только торговыми, теперь то ведется торговля, то кіевскія ладьи подплываютъ къ Константинополю, дружинники грабятъ и разрушаютъ, требуютъ откупа, или разбитые съ позоромъ возвращаются домой, собираются съ силами, чтобы съ открытjemъ воднаго пути опять напасть на пышный царственный городъ...

До сихъ поръ мало извѣстный, ничтожный въ глазахъ западныхъ сосѣдей народъ, Кіевская Русь съ IX-го вѣка заставляетъ много о себѣ говорить, считается съ собой, какъ съ сильнымъ и опаснымъ сосѣдомъ. Лѣтопись запомнила не одинъ набѣгъ кіевскихъ князей на Византію—начиная съ Аскольда и Дира они повторяются постоянно. Столкновения съ культурной страной не могли не отра-

¹⁾ Ключевскій. Курсъ русской исторіи т. I.

зяться на полудикихъ кievлянахъ—они многому научаются тамъ, многое перенимають и между прочимъ христіанство. Преданіе рассказываетъ, что однажды послѣ сильнаго пораженія Аскольдъ, Диръ и часть ихъ дружинниковъ приняли христіанство, убѣдившись въ силѣ и мощи византійскаго Бога. Съ тѣхъ поръ они прекратили набѣги, жили мирно и даже выстроили первую въ Кіевѣ церковь св. Іліи на Подолѣ.

Кіевъ всегда долженъ былъ быть предметомъ борьбы—ни изъ-за одного русскаго города не сражались такъ много, какъ изъ-за него. И рѣдко кто владѣлъ имъ долго: меньше двадцати лѣтъ княжили въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ, вѣроломно убитые Олегомъ...

При слѣдующихъ правителяхъ—Ольгѣ, Игорѣ, Святославѣ Кіевъ все расширяется, богатѣетъ и крѣпнеть, продолжаютъ набѣги на Византію и все больше и больше перенимають отсюда Кіевляне; продолжается постепенное подчиненіе окрестныхъ «земель» власти кievскаго князя. Кіевъ дѣлается не только главнымъ городомъ земли полянской, но и столицей всей тогдашней Руси; его князь—верховный владыка всей Русской земли, которому подчинены меньшіе областные князья.

Умирая, Святославъ распредѣлил крупнѣйшіе города русскіе между своими тремя сыновьями, оставивъ старшему Кіевъ. Младшіе братья не могли примириться съ этимъ и сейчасъ же послѣ смерти отца между ними начинается борьба за великокняжескій столъ. Побѣда остается за княземъ Владиміромъ.

При немъ Кіевъ окончательно подпадаетъ подъ вліяніе Византіи. Изъ Византіи пришло христіанство, ставшее при Владимірѣ государственной религіей, явились первые священники, въ то время и единственные учителя. Изъ Византіи же выписывались и мастера, зодчіе и живописцы, строящіе по повелѣнію князя разныя зданія, больше всего дивные храмы. Владиміръ—первый изъ князей не только воинъ, какъ его предшественники, мечтающій о расширеніи территоріи своего города, онъ и правитель—ревнитель правосудія, заботливый хозяинъ государства, занятый мыслями о его благоустройствѣ, о просвѣщеніи подданныхъ.

Стараніями Владиміра Кіевъ начинаетъ новую полосу своего существованія: онъ дѣлается разсадникомъ культуры для всей тогдашней Руси. Въ то время, какъ въ Новгородѣ и Поволжьѣ еще живутъ полу-дико, не зная иныхъ строеній, кромѣ деревян-

ныхъ, быстро уничтожаемыхъ огнемъ и такъ же быстро возникающихъ вновь, Киевъ знаетъ золотоверхіе княжіе терема, величавые каменные храмы, пышно украшенные мозаикой и живописью. Проѣзжающіе мимо Кіева и бывавшіе въ немъ русскіе купцы, пораженные красотой города, такого непривычнаго для нихъ, разносятъ рассказы о немъ по всѣмъ концамъ Руси. И въ душѣ каждого князя, если онъ только отваженъ и смѣлъ, назрѣваетъ рѣшеніе—собрать дружину, спуститься на быстрыхъ ладьяхъ по Днѣпру и завладѣть сказочно-прекраснымъ городомъ, стать властелиномъ всей русской земли...

Начиная съ Владиміра Святого, Киевъ рѣдко достается кому-нибудь изъ князей по праву старшинства. Изъ-за него, какъ изъ-за средневѣковой красавицы, борются храбрые витязи и онъ достается въ награду храбрѣйшему. Чтобы завладѣть Кіевомъ—этимъ источникомъ знанія, искусства и права для всей тогдашней Руси и центромъ религіозной и государственной власти—князья забываютъ обо всемъ на свѣтѣ, не щадятъ ни себя, ни другихъ. За Киевъ Владиміръ убилъ своего родного брата Ярополка, за Киевъ губили другъ друга его сыновья, пока онъ не достался Ярославу, князю имѣвшему огромное значеніе въ жизни города.

При немъ Киевъ былъ не только крупнѣйшимъ городомъ Россіи; богатству и славѣ его удивлялись и заѣзжіе иностранцы; родства и дружбы съ могущественнымъ кіевскимъ княземъ искали европейскіе государи. Заимствованныя изъ Византіи искусства и знанія, во время Ярослава и его сыновей начинаютъ перерабатываться, принимать болѣе національныя формы. Появляются русскіе священники, русскіе начитанные монахи, русскіе зодчіе и живописцы. Въ XII-мъ вѣкѣ въ Киевѣ славится нѣкій Петръ Милонѣхъ, русскій зодчій, и преданіе упоминаетъ объ инокѣ Печерской лавры Алипіи—мозаикѣ, живописцѣ и врачѣ—выученикѣ византійскихъ мастеровъ. Зарождается въ Киевѣ своя русская культура и изъ него расходится по всей Руси. Сами того не сознавая, князья—эти, по выраженію Ключевского, «перелетныя птицы Русской земли»—разносятъ повсюду сѣмена этой культуры...

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава кончилась и слава Кіева. Точно съ собой въ могилу унесъ онъ счастье съ такимъ трудомъ доставшагося ему, любимаго имъ города. При его дѣтяхъ и внукахъ борьба за Киевъ продолжается. Но прежніе князья умѣли, разъ завладѣвши городомъ, удержать его, умѣли щадить его при битвахъ. Потомки ихъ въ жадѣ захвата, въ пылу борьбы не жалѣютъ

Кіева, отнимають его другъ отъ друга, грабятъ и опустошаютъ. Они, русскіе князья, не стыдятся приводить къ стѣнамъ города дикія полчища кочевниковъ и въ награду давать имъ грабить — лишь бы завладѣть городомъ, лишь бы отогнать отъ него ненавистныхъ родичей-соперниковъ.

Такъ велико было обаяніе Кіева для князей того времени, что посидѣвшій хоть недолго на Кіевскомъ столѣ, уже не могъ забыть его. Только семь мѣсяцевъ княжилъ въ Кіевѣ Всеславъ Полоцкій, только «дочтеса стружіемъ злата стола кіевского», а помнилъ его всю жизнь. Услышитъ въ Полоцкѣ «позвониша заутренюю рано у святыхъ Софеи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша» ¹⁾. Горько плакалъ изгнанный изъ Кіева своими племянниками Суздальскій князь Юрій Долгорукій....

Иное отношеніе къ Кіеву мы видимъ у князя Андрея Боголюбскаго. Завладѣвъ въ 1169 году Кіевомъ, онъ отдастъ его на разграбленіе своимъ войскамъ. «Были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и туга, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя», потому что «створися великое зло въ Русѣй землѣ, якого же не было отъ крещенія надъ Кіевомъ, напасти были и взятыя, но якоже ныне зло се стася: городъ пожгли» и «грабиша весь градъ, Подолье и Гору и монастыри и Софею и Десятинную Богородицу и не бысть помилованья никому же, церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колокола изнесоша вси...» ²⁾. — «Си же все сдѣяша грѣхъ ради нашихъ» смиренно прибавляетъ лѣтописецъ. Кіевъ какъ городъ не былъ нуженъ князю Андрею. Онъ перенесъ столицу во Владиміръ, туда, гдѣ было покойно, гдѣ среди вѣковѣчныхъ лѣсовъ, подъ защитой ихъ выросли новые деревянные городки. Кіевъ, окруженный степью, всегда грозившей набѣгами кочевниковъ, злого половчина и татарина, по самому положенію своему главный оборонительный форпостъ всей страны въ борьбѣ противъ «поганыхъ», всегда принимавшій на себя ихъ первые и самые жестокіе удары—былъ, по мнѣнію Боголюбскаго, неудобенъ, какъ столица. Да къ тому же Кіевъ—вѣчный предметъ борьбы князей—слишкомъ привыкъ къ частой смѣнѣ правителей, къ свободному и фамильярному обращенію съ ними. Лѣтопись пестритъ извѣстіями о томъ, какъ вѣроломны и капризны, словно дѣти, были Кіевляне въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ. «И не

1) „Слово о полку Игоревѣ“.

2) Ипатьевская лѣтопись.

угоденъ бысть Кіянѡмъ Игорьъ (Ольговичъ)—читаемъ мы въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1147 годомъ—и послашася къ Переяславу къ Изяславу рекуче: «пойде княже къ намъ, хоцемъ тебѣ». Только что передъ тѣмъ на вѣче кіевляне цѣловали крестъ брату Игорю Святославу, говоря: «братъ твой князь и ты».

Самостоятельность Кіева и незащищенность его отъ степи—все это мало нравилось разсчетливому Андрею Боголюбскому, все это дѣлало его равнодушнымъ къ городу—завѣтной мечтѣ всѣхъ другихъ князей.

Съ перенесеніемъ великокняжескаго стола во Владиміръ кончаются блестящія страницы въ исторіи Кіева. Онъ совершенно лишается всякаго политическаго значенія. Правда, борьба за него продолжается много времени спустя, но теперь это борьба за богатый городъ, а не за власть надъ всѣмъ русскимъ государствомъ, потому что побѣда надъ Кіевомъ не даетъ больше этой власти,—«впаде княженіе Кіевское, а Володимерское въ Москвѣ вознесся»¹⁾.

Тридцать съ небольшимъ лѣтъ спустя послѣ разграбленія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, городъ беретъ приступомъ, соединившійся съ Половцами, Рюрикъ Ростиславовичъ и не находить ничего лучшаго, какъ поджечь его. Потомъ въ продолженіе почти сорока лѣтъ Кіевъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Князья имъ овладѣваютъ одинъ за другимъ. Эти смѣны были такъ часты, что подъ 1236 годомъ лѣтописецъ отмѣчаетъ только: «князи мнози на Кіевѣ въ семь лѣтъ».

Воевали между собой князья, переходили съ одного стола на другой и не замѣчали, какъ на Русь надвигалась гроза. Видя ихъ несогласіе, смѣлѣли кочевники, и «встона бо Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разліяся по Русской земли; печаль жирна утече среди земли Рускыи; а князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами побѣдами нарищуце за Русскую землю...»²⁾.

Въ это время появились изъ Азіи дикія полчища татаръ. Сначала набросились на половцевъ, смяли и разбросали ихъ по степи, потомъ обратились на Русь, пронесли по ней губительнымъ смерчемъ, исковеркали, изломали все, покорили своей власти и отошли въ степь.

¹⁾ Прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи подъ 1171 годомъ.

²⁾ «Слово о полку Игоревѣ».